

ГЕРОИ БЫЛЫХ ВРЕМЕН

Людмила Крылова-
Лопаченко

Людмила Крылова-Лопаченко

Герои былых времен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55338005

ISBN 9785449858559

Аннотация

Рассказ о белорусских переселенцах – старожилах села Синда, среди которых были мои предки по линии бабушки и дедушки. Жизнь заставила их пройти через ужасы империалистической, гражданской и Великой Отечественной войн, защищая родину и семьи. Очерк основан на воспоминаниях участников событий и их родственников.

Содержание

Герои былых времён	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Герои былых времен

Людмила Крылова- Лопаченко

© Людмила Крылова-Лопаченко, 2020

ISBN 978-5-4498-5855-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Герои былых времён

Рассказ о белорусских переселенцах – старожилах села Синда, среди которых были мои предки по линии бабушки и дедушки. Жизнь заставила их пройти через ужасы империалистической, гражданской и Великой Отечественной войн, защищая родину и семьи. Очерк основан на воспоминаниях участников событий и их родственников

Людмила Крылова-Лопаченко родилась в 1946 году в селе Найхин (Даерга) Нанайского района Хабаровского края

Моё детство было связано с селом Синда. Там жили мамы родители – мои дедушка и бабушка Лопаченко Михей Николаевич и Елена Ивановна (в девичестве Шерая). Мы жили в селе Даерга, что примерно в пятидесяти километрах от Синды вниз по Амуру. Каждое лето мама возила меня в Синду. Я помню, как дедушка строил новый дом рядом со старым на берегу узенькой и быстрой Синдинской протоки; он и сейчас там стоит, только это уже красивый, современный дом. В Синде было много родни, кроме Шерых и Лопаченко; всё время «на слуху» были такие фамилии как Богдановские, Каштановы, Ценцевицкие, Коба, семьи которых породнились между собой за десятилетия совместной жизни. Я так и не смогла разобраться в этом огромном родстве – считай, вся деревня.

В пятидесятые годы к дедушке часто заходили бывшие партизаны, и в разговорах между собой они часто произносили фамилию «Трапицин» (так на белорусский манер произносилась фамилия Якова Тряпицина, командующего партизанской армией на Нижнем Амуре). Слышала рассказы о необыкновенной красавице Нине Лебедевой, то ли подруге, то ли жене Тряпицина. Как я поняла, официально эти имена были под запретом, и только в Синде они произноси-

лись с особым почтением и уважением. И ещё я поняла, что Яков Тряпицын и Нина Лебедева бывали в доме моего дедушки.

Когда я училась в старших классах, моя семья в это время жила в посёлке Троицкое. Я знала, что в селе Вознесенском есть учитель истории Фомин, который собирает материал о синдинских партизанах, потому что в Вознесенском был похоронен зверски замученный японцами и белогвардейцами в 1919 году комиссар партизанского отряда Иван Иванович Шерый. Однажды на уроке меня пригласили к телефону, который был у директора в 7 кабинете. Звонил Фомин. Приятный голос в трубке спрашивал меня, приедет ли кто из родственников на открытие обелиска на могиле Ивана Шерого. Я была в курсе событий, поэтому сообщила ему всё, что знала об этом мероприятии. Я помню, как моя бабушка очень переживала, что не сможет приехать поклониться праху своего старшего брата. Она была старенькой, очень больной, а моего дедушки уже не было в живых.

Дом моего деда Лопаченко Михея Николаевича. Отсюда начиналась Синда. А дом и сейчас стоит на берегу реки. Фото из семейного альбома моей двоюродной сестры Натальи Даниловой. Фото 2000-х годов

Синдинская протока Амура, в которую впадает речка Лопачка, названная в честь Михея Николаевича Лопаченко. Речка течёт вдоль густых зарослей, соединяя Амур с Синдинской протокой.

2007 год

Николаевны, ныне покойной. Вот с её младшим сыном Серёжей по просьбе моей бабушки мы съездили в Вознесенское на другой берег Амура, и от имени Елены Ивановны Шерой возложили большой букет живых цветов на могилу её старшего брата.

Странные чувства испытывала я, стоя у могилы. Я так много слышала об этом человеке, знала его жену, его дочерей, которые были не просто мамиными двоюродными сёстрами, но и лучшими её подругами. Я бегала с его внуками. И, наконец, я видела его лучшего друга, которого в Синде называли «дед Лебедев». После гибели Ивана Шерого он женился на вдове комиссара, взяв на себя заботу о четырёх его детях. В то время, когда я приезжала в Синду, он жил отдельно в домике, утопавшем в зелени больших деревьев прямо на крутом обрывистом и очень красивом берегу речки. Этот дед мне казался большим, величественным, с седой длинной бородой; он напоминал мне Льва Толстого в деревне. В доме его всегда пахло свежей стружкой, он постоянно что-то мастерил. Я толком не понимала, кто был этот старик, но видела уважение, заботу о нём и старших, и детей.

И вот всё это надо было понять и осознать, стоя тут у могилы, казалось бы, далёкого, но ставшего в одно мгновение близким, родственника. Моя бабушка была ему родной сестрой, а моя мама – племянницей.

Я знала, что Борис Прокопьевич Фомин начал писать книгу о синдинцах и комиссаре Шером, и что её с нетерпением ждали все родственники. При этом я недоумевала, почему про Шерого до сих пор никто не написал. Я слышала, как бабушка говорила, что к ней приезжал писатель Рогаль, они долго беседовали, и что она отдала ему все фотографии Ивана Шерого, что ещё кто-то приезжал за фотографиями,

но у неё уже их не было. Кстати, на одном из партизанских съездов 1919 года, учитывая потерю фотографии Ивана Шерого, решили считать фото Михаила Шерого портретом Ивана, так как они были очень похожи. Так снова появился портрет Ивана Ивановича Шерого, но исчезло фото Шерого Михаила.

Много лет спустя, будучи свидетелем мучений Б. П. Фомина с изданием его книги, я стала догадываться, почему не вышла книга о синдинских партизанах, любивших своего командира Якова Тряпицина и считавших его героем Гражданской войны. Это шло вразрез с официальным мнением, поэтому в книгах, посвящённых Гражданской войне на Нижнем Амуре, представлен лишь небольшой эпизод, связанный с гибелью комиссара партизанского отряда Шерого. Борис Прокопьевич Фомин нашёл свидетелей той страшной трагедии, записал их рассказы; один из таких хранится в Вознесенском школьном музее.

«Как только пароход стал причаливать, партизаны с берега открыли огонь (подробности этого инцидента мне неизвестны). Матросы обрубали концы у баржи с мукой, и пароход ушёл один. Не останавливаясь, он прошёл мимо села Вознесенское, хотя должен был доставить почту. О действиях партизан было сообщено в Хабаровск, где было принято решение об уничтожении партизанского отряда.

Из Хабаровска на пароходе «Казакевич» прибыл карательный отряд белогвардейцев численностью сто человек,

который отправился по следам группы партизанского отряда Мизина, где комиссаром был Шерый. И. И. Партизаны ушли в село Иннокентьевку для отдыха. Некоторые пошли в баню. Когда партизан обнаружили, они стали уходить в лес. У Шерого болел коленный сустав (ранение с империалистической войны) и поэтому он не смог уйти. Ночью со схваченным комиссаром, без огней и гудков, пароход пришёл в Вознесенское. Офицеры, переодевшись в партизан, пошли по домам. По селу разнёсся слух, что днём в селе что-то должно произойти. Староста Бородин Юда (отец Константина Иудовича Бородина) объявил сходку. Офицеры были с плётками. Шерый, ещё живой, находился на пароходе. Потом комиссара подвесили на верёвки, и отряд в восемь человек расстрелял его. На теле его было обнаружено семь ран. Приказали Шерого не хоронить. Через несколько дней жители села Леонтий Останин и Фёдор Антонович Пастухов похоронили его на горе. Осенью 1919 года, когда установилась дорога, на место захоронения пришли партизаны. Среди них был брат Шерого, который хотел увезти тело в Синду Нанайского района».

Фомин Борис Прокопьевич (1921 – 1997), краевед, с 1961 по 1969 годы работал учителем истории и географии в Вознесенской средней школе; в 1975—1982 годах – директором этой школы. Краевед Амурского района, исследователь истории Гражданской войны на Нижнем Амуре. Фото 1970-х гг.

ПАРТИЗАНСКИЙ КОМИССАР

В годы гражданской войны на Дальнем Востоке село Вознесенское на Нижнем Амуре тоже не миновали революционные перемены, а также и трагические события. В селе неоднократно останавливался штаб партизанских отрядов, действующих по Амуру. Там сохранился дом, где располагался партизанский штаб.

В январе 1922 года в село приезжал председатель военно-революционного штаба партизанских отрядов Приамурья Д. И. Бойко-Павлов, который провёл собрание граждан села с целью выяснения отношения к Советской власти. Сохранился и дом, в котором проводилось это собрание. В селе скрывались многие коммунисты после разгрома атаманом Калмыковым Хабаровской партийной организации. В селе неоднократно бывали широко известные на Амуре партизанские деятели М. Е. Попко, А. К. Кочнев, Г. С. Мизин.

Местный житель села Кирилл Максимович Шатохин создал партизанский отряд, действовавший по Амуру, который затем влился в сводную партизанскую армию, освобож-

давшую сёла Амура и город Николаевск-на-Амуре от интервентов и белогвардейцев. Большая часть мужского населения села поддерживала партизан. Жители помогали партизанам продуктами питания, фуражом, одеждой и обувью.

Белогвардейцы жестоко мстили за это: женщин пороли плётками и шомполами, мужчин убивали или топили в Амуре. Осенью 1919 года в село был привезён и казнён комиссар партизанского отряда «Морской» Иван Иванович Шерый. Когда ещё были живы люди, свидетели того страшного события, юные краеведы Вознесенской школы восстановили историю жизни и гибели Ивана Ивановича Шерого.

«В сентябре 1917 года с германского фронта по ранению возвращается в амурское село Синда солдат-коммунист Иван Шерый. Однако не пришлось ему заняться долгожданным мирным трудом. В 1918 году банда атамана Калмыкова и японские интервенты захватили Хабаровск, началась оккупация Приамурья. Вокруг Хабаровска и амурских сёл начали создаваться революционные ячейки и партизанские отряды. И. И. Шерый создаёт революционную ячейку в Синде, а затем и партизанский отряд численностью тридцать девять человек. Синда становится боевым центром партизан.

Хабаровский подпольный революционный штаб направил в Синду для руководства партизанской борьбой матроса Амурской флотилии Григория Мизина. Он прибыл в Синду с девятнадцатью партизанами. Мизин возглавил объединённый отряд, а Иван Иванович Шерый стал комиссаром отря-

да. Отряд получил название «Морской», так как местом его действий стал Амур, а основным средством передвижения – лодки.

Немало славных боевых дел совершил отряд. Смелый налёт на волостную полицию в селе Троицком дал отряду оружие. Была захвачена в плен и уничтожена группа калмыковских контрразведчиков во главе с полковником Гроссевичем, разъезжавшая по Амуру на катере под видом рыболовецкой артели. Для препятствия движению судов белых по Амуру уничтожались средства связи и переносились навигационные знаки в районе сёл Иннокентьевка-Малмыж. Отряд отбивал у врагов суда с продовольствием, фуражом, оружием, деньгами, топил в реке транспорт. Командование белогвардейцев было обеспокоено действиями отряда «Морской», поэтому было решено его уничтожить. В район партизанских действий была выслана большая карательная экспедиция под командованием полковника Суходольского. Каратели дотла сожгли село Синда, но отряд Мизина-Шерого был неуловим. Партизаны продолжали наносить белогвардейцам ощутимые потери. Тогда белогвардейцы пообещали большие суммы денег за головы командира и комиссара.

И вот однажды Иван Иванович Шерый отправился с двумя партизанами в район села Иннокентьевка с целью выяснения обстановки для дальнейших действий отряда. В этой местности ему были знакомы все тропинки, можно сказать, каждый кустик. Ночью вдоль берега Амура по протоке, они

спустились к Иннокентьевке. Не знал комиссар, что внедрившийся в отряд предатель сообщил врагу о предстоящей партизанской разведке. Скрывшиеся у села каратели уже ждали разведчиков. Шерый был почти уверен в том, что белогвардейцы ушли из села, так как обычно боялись оставаться в сёлах на ночь, опасаясь партизанской мести. Поэтому, ничего не подозревая о засаде и оставив лодку в густом ивняке, Шерый с разведчиками стали пробираться к селу. Белые уже заметили их, и когда разведчики вошли в густой прибрежный кустарник, с криками набросились на партизан. Грянули винтовочные выстрелы. Шерый, круто повернувшись, подвернул раненую ещё на фронте ногу и упал от резкой боли. На него сразу навалилось несколько человек. Двое партизан из группы Шерого в серых солдатских шинелях, как у белых, смешались во тьме с нападавшими и скрылись. Шерого же выдала кожаная комиссарская куртка. От сильного удара прикладом по голове Шерый потерял сознание. Каратели притащили его в баню местного жителя. Начались пытки.

Что делали с комиссаром белогвардейцы, знают только стены старой бани. После издевательских пыток Ивана Шерого доставили на пароход и втолкнули в канатный ящик. В течение трёх суток мучили героя изощрёнными пытками. Его подвесили за руки к мачте парохода и возили по амурским сёлам для устрашения населения. По несколько часов комиссар висел на мачте, изредка приходя в сознание. Ше-

рый поражал врагов своей стойкостью. После зверских пыток, не добившись нужных сведений, белогвардейцы решили окончательно расправиться с ним.

Сентябрьским вечером 1919 года к берегу села Вознесенское подошёл пароход «Казакевич», с которого высадился десант белых. Бандиты пошли по селу. Они врываются в дома, где жили семьи подлежащих мобилизации молодых парней, семьи партизан. Под видом партизан они искали сочувствующих партизанам людей. Таким образом, были взяты в заложники младшие братья новобранцев, скрывавшихся на островах от мобилизации в белую армию. Среди заложников был Андрей Максимович Шатохин. Впоследствии он и рассказал односельчанам подробности героической смерти комиссара Ивана Шерого.

В трюме парохода, куда был посажен Андрей Шатохин, находилось ещё три человека. Один, с окладистой чёрной бородой, не мог ни сидеть, ни лежать – на окровавленном теле этого человека не было живого места. Передвигаться он мог только с посторонней помощью. Это был комиссар Иван Шерый.

— Кто вы такие и откуда? — спросил поражённый Шатохин. Оставив вопрос без ответа, Шерый спросил: — А ты не «наседка»? (То есть не предатель). После вызова Шатохина на допрос Шерый спросил о причине ареста молодого человека, а потом поинтересовался, не выдал ли он своего брата. Больше он не проронил ни слова и только просил пить.

Два других арестованных человека оказались партизанами из Иннокентьевки.

Снизу шёл пассажирский пароход. С «Казакевича» просигналили, чтобы он подошёл к берегу. На палубе «Казакевича» находился гроб с убитым во время боя у Иннокентьевки калмыковцем. Каратели решили отправить гроб с телом в Хабаровск на пароходе, шедшем снизу, но перед отправлением решили отдать убитому почести.

На палубе «Казакевича» выстроились солдаты. Гроб с телом поставили на носилки. Всех пассажиров с подошедшего парохода выгнали на палубу. Вытолкнули на палубу и Шатохина с двумя другими арестованными. Гроб стали спускать по трапу на берег. Следом, поддерживаемый солдатами, шёл комиссар Иван Шерый.

Гроб поставили на «козлы» возле трапа. Ивана Ивановича подвели к поленнице дров и, распяв руки, привязали к ней. Напротив поленницы выстроились пять солдат с винтовками. Офицер, командующий солдатами, сказал им несколько слов и приказал приготовиться. Гроб с телом белогвардейца стали по трапу поднимать на пассажирский пароход. И тут прозвучала команда офицера: «По врагу отечества, пли!» Тело героя обмякло, голова упала на грудь. Так погиб Иван Шерый, под страшными пытками не выдавший своих товарищей. Даже имя его белогвардейцы узнали только после казни.

После ухода карателей жители села Вознесенское увидели

ли страшную картину – на штабеле дров висел обезображенный до неузнаваемости труп человека. Вознесеновцы, среди которых были Ф. А. Пастухов, Л. З. Останин, И. И. Бородин, бережно сняли тело комиссара, завернули в брезент, опустили в лодку и поплыли к кладбищу, где и похоронили его на высоком, обрывистом берегу Амура под большой старой липой.

Зимой 1919 года командир партизанского отряда Григорий Мизин с несколькими партизанами приезжал в село, чтобы поклониться праху своего комиссара и отдать ему последние воинские почести. У могилы собрались жители села, партизаны. Командир выступил с речью, спели «Интернационал», прогремели прощальные винтовочные залпы».

Могила Ивана Ивановича Шерого была восстановлена учащимися Вознесенской школы в 1962 году, на ней был установлен деревянный памятник. По просьбе жителей села на заводе железобетонных изделий №6 в Амурске был изготовлен бетонный памятник. В 1964 году, в год столетнего юбилея села, в торжественной обстановке памятник был открыт.

На открытие памятника комиссару Шерому приезжала его жена Федора Карповна, дочери Софья, Антонина, Екатерина, внуки и друзья-партизаны. По просьбе жителей села и юных краеведов решением исполкома местного сельского совета старейшая набережная улица села в 1964 году была названа именем Шерого. Решением Амурского горкома

ВЛКСМ пионерской дружине сельской школы было присвоено имя Ивана Ивановича Шерого. Ежегодно у памятника герою проходили пионерские сборы. А 23 февраля, в День рождения Советской Армии, и 9 мая, в День Победы, к памятнику возлагались цветы и венки.

Уходя далеко к горизонту, среди островков многими потоками петляет Амур. На правом берегу длинными улицами растянулось село Вознесенское. Вечереет. Малиновое, без лучей, солнце неторопливо садится за синие вершины высоких сопок. Последний солнечный луч неповторимым цветом окрашивает горизонт и высокий обрывистый берег Амура с обелиском у самого края, над которым склонилась расщеплённая надвое ударом молнии большая липа – немой и верный сторож праха героя. На мемориальной доске обелиска высечены слова: *«Шерый Иван Иванович (1884—1919 гг.) – комиссар партизанского отряда. Погиб от рук белогвардейских палачей. Вечная слава герою».*

Б. П. Фомин.

«Амурская заря», 23.10. 1982 г.

Лопаченко – Шерая Елена Ивановна у своего дома
в селе Синда. Начало 1960-х гг.

Дочери Ивана Шерого Софья и Екатерина со своими семьями
на могиле отца. Село Вознесенское. 1964 г. Фотографии
из архива Б. П. Фомина.

Партизаны и родственники на открытии обелиска
И. И. Шерому. 1964 г., с. Вознесенское

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Краевед Амурского района Борис Прокопьевич Фомин одним из первых в нашем районе обратился к краеведческой тематике. Он написал историю села Вознесенского, где много лет был директором Вознесенской школы и преподавателем истории и географии. Рассказал о первых переселенцах, основавших русские сёла Вознесенское и Орловское (ныне не существующее). Большой интерес проявил к древней истории района. Но особенно большую исследовательскую работу в течение многих лет Борис Прокопьевич вёл по истории Гражданской войны на Нижнем Амуре, потому что Вознесенское оказалось в центре драматических событий, связанных с деятельностью партизанского отряда «Морской»

и трагической гибелью его комиссара Шерого Ивана Ивановича, похороненного в этом селе.

История отряда «Морской» привела его в село Синда, где в то время ещё живы были старые партизаны, принимавшие активное участие в борьбе с японскими интервентами и белогвардейцами, а также родные партизанского комиссара Ивана Ивановича Шерого. Так, в Синде жила семья Шерого — жена Федора Карповна, вышедшая замуж за боевого товарища мужа Осипа Лебедева, взявшего на себя заботу о четырёх малолетних детях погибшего героя. Здесь же в Синде жила младшая сестра Ивана Шерого Елена Ивановна Лопаченко (Шерая). Именно с Еленой Ивановной завязалась переписка, в результате которой он узнал историю семьи Шерых-Лопаченко. Письма от Елены Ивановны, так как она была малограмотна, писала её старшая дочь Лопаченко Зинаида Михеевна (племянница Ивана Ивановича); два из них сохранились в архиве Фомина, и дают представление о тёплых взаимоотношениях Бориса Прокопьевича с родными Ивана Шерого.

Борис Прокопьевич мечтал написать повесть о Синде и синдинцах. Он долго собирал материал к книге, основу которой составили воспоминания синдинских партизан, их отношения к событиям и главным действующим лицам того времени. Когда рукопись была готова, он повёз её в Хабаровск. Но цензура не пропустила материал. Камнем преткновения послужил сложный, неоднозначный образ революци-

опера, командующего Амурской партизанской армией Якова Тряпицина, которого, в отличие от официальной истории, синдинцы считали героем Гражданской войны на Дальнем Востоке. Фомину посоветовали переписать образ Тряпицина и показать его не как героя, а как анархиста, недалёкого и жестокого человека.

Расстроенный Борис Прокопьевич долго не мог придти в себя, но потом всё-таки взялся переписывать книгу заново. Теперь уже процесс переписки шёл очень тяжело. На это ушли годы жизни. Ушли из жизни непосредственные участники описываемых событий, с которыми он советовался и которые помогали и поддерживали его в трудные минуты.

Наконец он закончил книгу в том виде, каком от него ждали. Но в стране наступили новые времена – началась перестройка. Открылись архивы, на страницы печати хлынули когда-то запрещённые для обсуждения и публикаций темы. И когда Борис Прокопьевич вновь повёз свои рукописи в Хабаровск, то оказалось, что изменилась и официальная историческая наука. Изменилась она и в отношении роли Якова Тряпицина. И вновь рукописи Фомина были признаны «не соответствующими новому видению истории Гражданской войны на Нижнем Амуре».

В это время Борис Прокопьевич вышел на пенсию. Ему с женой дали квартиру в Амурске, и так случилось, что мы оказались соседями. Мы жили не только в одном доме, но и в одном подъезде, и на одной лестничной площад-

ке. Таким образом, моя мама Лопаченко Зинаида Михеевна и Борис Прокопьевич Фомин после долгих лет заочного знакомства впервые увидели друг друга. К нему в Амурск несколько раз приезжала дочь Ивана Шерого Антонина Ивановна. Как очень грамотный человек, он принял большое участие в определении места жительства состарившейся, совершенно ослепшей в конце жизни жены Ивана Шерого: помог Федоре Карповне получить квартиру в городе Комсомольске-на-Амуре, за что все родственники ему были очень благодарны. Надо сказать, что он с лёгкостью откликался на просьбы людей, помогал грамотно разобраться в любом вопросе.

Мы с ним часто беседовали, он много рассказывал о себе. В годы Великой Отечественной войны он в составе пограничных войск охранял дальневосточные рубежи от провокационных действий японцев, готовых в любой момент, как пелось в знаменитой песне, «перейти границу у реки». Пограничные конфликты были частым явлением. В одной из таких провокаций Борис Прокопьевич получил тяжёлую контузию, но поскольку дальневосточные пограничные войска не имели статуса регулярно действующей Красной Армии, то те, кто служил в этих войсках, впоследствии не считались ветеранами Великой Отечественной, несмотря на тяжёлые ранения и контузии. Особенно это было обидно тем семьям, родные которых отдали свои жизни при защите своего Отечества.

Борис Прокопьевич вёл долгую и большую переписку с военными ведомствами, писал в разное время министрам обороны, доказывая несправедливость такого отношения к дальневосточным пограничникам времён Великой Отечественной. В первые годы перестройки одному из кандидатов в депутаты от нашего района в Верховный Совет СССР удалось «выбить» какую-то повышенную пенсию Борису Прокопьевичу. Но тут же нашлись завистники от ветеранов, которые приложили немало усилий, чтобы с него сняли эту несчастную денежную прибавку к пенсии.

У Бориса Прокопьевича уже не было ни здоровья, ни сил, ни средств, чтобы переписать книгу заново. Но особенно его расстроил тот факт, что фрагменты его книги, в особенности страницы, связанные с именем Шерого, просочились в книги известных дальневосточных писателей, а потом и недобросовестных журналистов, которые не ссылались на первоисточники, то есть на работы Фомина.

В последние годы жизни Борис Прокопьевич Фомин много писал о природе нашего края, его статьи публиковались в нашей местной газете.

Рукопись книги, на которую он потратил десятки лет жизни, он упаковал в целлофановый мешок, сказав дочери: «Раз мои работы никому не нужны, пусть они уйдут со мной в могилу».

После ухода из жизни Бориса Прокопьевича Фомина я попросила свою маму Лопаченко Зинаиду Михеевну восстано-

вить в памяти то, что она много лет назад писала Фомину под диктовку моей бабушки Елены Ивановны Лопаченко (Шерой). Воспоминания моей мамы, как мне кажется, в какой-то степени помогут восстановить утраченный первоисточник, исключить возможность спекулировать материалами, автором которых был Б. П. Фомин.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Б.П.ФОМИНА И ЛОПАЧЕНКО З. М.

Здравствуйтесь, Зинаида Михеевна!

Неожиданно получил Ваше письмо. Спасибо. Рад нашей новой встрече после такого длительного перерыва. Я хорошо Вас помню по письмам и даже сохранил все письма от Вас, от Вашей мамы – Елены Ивановны, и все другие. Ещё раз спасибо за письмо. Теперь Вы недалеко от нас живете, есть реальная возможность лично встретиться. Спасибо Вам и за то, что предлагаете свою помощь в работе над материалом о комиссаре Шером.

Вы пишете о неродном сыне Михаила Ивановича Шерого. Я знаю, что это был не родной сын его. Но факт не в том, главное, что он спас жизнь своему отчиму – большевику. Хоть временно, но он был сыном Михаила Ивановича.

Зинаида Михеевна! Хочу обратиться к Вам с вопросами.

Где живёт сейчас Екатерина Ивановна? Я писал ей письмо в Синду, но ответ не получил. Где живёт Антонина Ивановна? Когда скончалась Федора Карповна и где она похоро-

нена? Когда умерла Софья Ивановна? Чем она болела? Жива ли Ваша мама?

Я в шестидесятые годы со всеми ними встречался и часто переписывался, в 1969 году наша связь оборвалась, так как я вынужден был уехать из Вознесенского, и только в 1975 году вновь сюда вернулся. Поэтому работа над книгой об Иване Ивановиче Шером была прекращена по независящим от меня причинам. Нашлись «друзья», которые растянули мои собранные материалы, и даже кое-что опубликовали от своего имени. Это, конечно, жаль. Мне приходится сейчас труднее в работе, нежели раньше. Однако духом падать – не в моей натуре. Ещё раз спасибо Вам. Напишите, кто ещё жив из родственников (старых) И. И. Шерого и где они. Большой привет Вашей семье. С радостью буду ждать нашей встречи.

Пишите.

До свидания! Уважающий всех вас и лично Вас Б. П. Фомин.

21.10.1977 г.

Здравствуйте, Зинаида Михеевна!

Большой привет семье. Письмо получил. Спасибо.

Очень сожалею, что Екатерина Ивановна больна. Видимо из-за болезни она не смогла ответить на моё письмо. Будете писать, передайте ей большой привет от меня.

Как быстро всё изменилось в жизни! Кажется, что совсем недавно получал письма от Вашей мамы Елены Ивановны, встречался с Федорой Карповной и Софьей Ивановной. А те-

перь их нет. Жалею, что кое-что не успел сделать при их жизни.

Прошу извинить меня за очень болезненные для Вас воспоминания. У меня пока особых изменений в работе нет. Послал в редакцию городской газеты «Дальневосточный Комсомольск» рассказ о Шером. Пока молчат. Возможно, и напечатают. Вот коротко и всё. Пишите. Отвечу с удовольствием. До свидания.

Всегда Ваш Б. Фомин.

04.11.1977 г.

Яков Тряпицын и Нина Лебедева в госпитале, 1920 год

«ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ЧАПАЕВ» —

так синдинские партизаны называли Якова Тряпицына.

Это человек, о котором не увидели свет материалы по гражданской войне на Нижнем Амуре дальневосточных

писателей, о котором мнение современников шло вразрез с толкованием официальной историей. О нём не увидела свет и книга амурского краеведа Фомина Бориса Прокопьевича, который, собирая материал о партизанском отряде «Морской», более двадцати лет вел переписку с бывшими синдинскими партизанами и их родственниками. Это человек, о роли которого в Гражданской войне на Дальнем Востоке до сих пор идут жестокие дискуссии. До недавнего времени о нём можно было говорить только как о диктаторе, злодее, монархисте, самозванце и так далее. Новое поколение синдинцев, и, думаю, не только синдинцев, о нём ничего не знает. По их просьбе я решила подробнее остановиться на этой личности.

Кем был на самом деле Яков Тряпицын, должна сказать современная историческая наука. Как сейчас пишут историки, материала собрано вполне достаточно.

Но даже такие сравнения Тряпицына с Чапаевым соратники по борьбе с интервенцией могут сказать не так уж мало.

Прошедший недавно на телеэкранах страны документальный фильм о Чапаеве показал, как легко было устранить ненужного партии человека. И неважно, что для этого пришлось уничтожить дивизию. Для того, чтобы расправиться с Блюхером, запросто уничтожили армию.

Причина, по которой расправились с Тряпицыным, никогда не была тайной. Прочитаем только одну его телеграмму в Москву:

«Иркутск. Тов. Янсону – Уполномоченному иностранным

отделом от ЦК ВКП (б) из Москвы» – Ленину.

Нам стало ясно, что вы совершенно неверно информированы о положении здесь, и хотели бы спросить, кто вас информировал о положении здесь, а также и Москву, в которой вынесено постановление о буферном государстве на Дальнем Востоке, создание которого совершенно нецелесообразно... Вы указываете, что целью является создание такого государства, которое может признать Япония, следовательно, государства не советского, но тайно действующее по указанию Совроссии. Насколько это абсурдно, для нас было это совершенно ясно с первого момента.

Прежде всего, государство это, если оно земское, а не советское, не может вести политики Советов, и за время своего существования совершенно ясно выявило политику чистой белой гвардии, что и доказано событиями в Хабаровске и Владивостоке; второе это то, что японцы не допустили бы советской политики буфера и сразу её заметили бы, и такие обвинения от них уже были, они указывали, что под ширмой земства гнездятся большевики; и, возможно, что этот мотив тоже является одной из причин их выступления, именно уничтожить советские элементы, и они этого достигли... Думая избежать столкновения с Японией и прекращения оккупации мирным путём, вы рассчитывали, что Япония, признав земство, откажется от оккупационных целей и уйдёт подобру-поздорову. Японцы уступают только в силе. И вы достигли как раз обратных резуль-

татов: вместо избавления от японцев буфер дал нам ещё более злейшую войну, даже больше; вы своим дурацким буфером сорвали уже готовую победу красной партизанской армии на Д. Востоке, ибо смею вас уверить, что если бы не провокация буферов и земцев, то японцы, под давлением наших сил, ушли бы отовсюду, как ушли из Амурской области и Николаевска».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.